

МОРЯ РЯРЯ

Анна Романова

Моя няня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635309

Аннотация

Москвичка Виолетта Белянцева, экономист, в метро натывается на объявление о краже детей. Лицо воровки пробуждает в ней странные воспоминания о детстве. Жизнь Виолетты – это работа и дом. Ей начинают сниться кошмары, на работе на глаза вновь попадается фоторобот воровки.

Виолетта и её подруга-психолог интересуются практикой осознанного сновидения и идут на семинар, который ведёт эзотерик и психолог Герман Богин. Он производит на Виолетту неприятное впечатление. Она решает больше не посещать его семинары. Кошмары становятся всё разнообразнее и достовернее, Виолетта вспоминает, что в детстве была похищена, и теперь отрывки из прошлого преследуют не только во снах, но и наяву. Она рассказывает об этом подруге. Та советует обратиться к Богину, мотивируя, что он хороший специалист. Виолетте это не нравится, однако через время она всё же решается и звонит ему. Богин заинтересовывает её случай, и он соглашается помочь.

Проходит несколько тренингов, у них завязывается дружба. При помощи Богина Виолетта проникает всё глубже в своё прошлое, открывая новые детали, понимает, что её похищал не человек, а жуткое существо. В её жизни неожиданно появляется

Игорь – мужчина, с которым у неё были длительные отношения, но потом случился разрыв. Игорь вернуть прежнее, Виолетта – нет. Игорь начинает её преследовать, она считает, что виной всему – ревность к Богину, с которым она сближается ещё больше. За время тренингов Виолетта узнает, что похитившее её существо зовётся «богинкой». Сходство этого названия и фамилии психолога её пугает. Действия Игоря становятся навязчивыми. Виолетта и Богин договариваются сыграть пару и таким образом отвадить Игоря. Но случается драка мужчин, Игорь умирает странной смертью. Виолетта понимает, что он связан с существом.

Она находится в постоянном напряжении. Богин проводит последний тренинг, после которого они попадают в мир существа. Преодолев множество сложностей, Виолетта уничтожает существо. Они с Богиним возвращаются в привычный мир.

В роддоме Чердыни молодая мать смотрит в окно на мужа. В палату заходит няня, которая напоминает про осмотр у врача и внимательно смотрит на новорожденную дочку. Мать отмечает, что няня странная, но достаточно доброжелательная. Мать уходит на осмотр, а когда возвращается – ребёнка нет.

Финал – существо, прикинувшееся няней, смотрит на окна роддома, прижимает к себе украденного ребёнка и смеётся. Мимо проходит старушка, пугается жуткого смеха и ускоряет шаг. Когда она оборачивается, на заснеженной дороге уже никого нет.

Часть I. Шаг в прошлое

Глава 1. Дорога домой

Осень выдалась душной и поздней. Совсем не московской. Пропахшей зноем, пылью и тьмой

густых и терпких запахов, которые бывают только в крупных мегаполисах. Летняя жара не хотела

уступать место подбирающейся на мягких лапах прохладе, цеплялась сухими жёлтыми руками за

дома, машины и спешивших по своим делам прохожих.

Кожа взмокла, тонкая ткань платья прилипла между лопатками, а ручка пакета больно врезалась в

ладонь. На улице было людно, все спешили домой. Виолетта шумно выдохнула и перебросила

пакет в другую руку. С собой пришлось забрать обувь, чтобы отнести в ремонт. Это можно было

сделать завтра, но она решила, что лучше не откладывать.

– Виолетта Сергеевна, а в котором часу вы завтра будете? – спросила шедшая рядом девушка.

Новая сотрудница. Вика? Ника? Виолетта не помнила, но она уже сильно раздражала. Даже

программист Витька на её фоне мог считаться вполне милым существом. В другой раз, может,

обошлось бы – Виолетта не стала брать дурного в голову, но сейчас хотелось послать всех далеко и

надолго.

– Не знаю, как из банка вернуться, – отрезала она.

– Я тогда позвоню?

Девушка переминалась с ноги на ногу, явно не желая портить отношений с будущей начальницей и в то же время понимая, что любезной беседы не выйдет. Даже Виолетта заметила, что той было не по себе – слишком бледная и очень боится сказать что-то не то. Словно девица-красавица перед чудовищем из пещеры. Впрочем, после работы статус чудовища Виолетту устраивал.

Решив, что новенькой подчинённой займется завтра, она кивнула и поставила пакет с обувью на землю.

– Хорошо. Завтра.

Девушка закивала, спешно распрощалась и тут же растворилась в толпе.

Мышка, – подумала Виолетта. – Серая, незаметная. Таких было и будет ещё тьма. Запоминать вас всех неохота. Вот удержишься, потом и попробуем поговорить.

Духота не спешила сходить на нет. Виолетта исподлобья глянула на солнце, которое уже должно было клониться к закату, но по-прежнему посылало на столицу горячие лучи.

До спуска в метро оставалось не так много, поэтому, вновь подхватив пакет, она зашагала к нему.

Счета, разговоры, сломанный телефон и шеф, который

вечно не в настроении. Партнёры из

Прибалтики неожиданно потребовали пересмотреть контракты, а экономист ушла в декрет.

Неудача? Или сговор? Как назвать череду неприятностей, которые валятся одна за одной, будто кто

дёрнул за верёвочку, и они игрушечными шариками свалились вниз. Прямо тебе на голову. Только

ушибы и синяки от этих шариков весьма болезненные.

Вспоминать о разрыве с Игорем и вовсе не хотелось. Два месяца прошло, а ощущение, что только

вчера. Виолетта вздохнула. Так в мыслях можно завязнуть, как в болоте. А потом бежать к

психоаналитику с просьбами о помощи. Другой вопрос, что вряд ли психоаналитик подлатает

прорехи в душе, прорезанные осточертевшим бытом.

Кофе, кот, кондиционер. Остальное потом. Кот, кстати. Купить ему колбасы надо, а то в

холодильнике ничего и не осталось, а зверь голодовку не оценит.

Послышался неприятный треск. Внутри ёкнуло, Виолетта чуть не выронила пакет. Качество

оказалось ужасным. Слава богу, успела поймать. Босоножки и туфли остались внутри, а не лежат

на земле. Прощедив сквозь зубы какое-то ругательство, она вздохнула и стала на эскалатор.

Монотонный спуск дал возможность немного передох-

нуть и подумать. Понять, что не всё так

плохо. Даже можно сравнить с нищими, которые сидят тут и выпрашивают подаяние. У неё всё

есть. Не в тех количествах, в которых нужно, и не в то время, когда необходимо, но всё же есть.

Послышалось, что кто-то её позвал. Виолетта оглянулась, но люди были заняты своими делами,

никто на неё не обращал внимания. Откуда-то ветерок принес едва уловимый запах сирени,

внезапно чересчур сладкий и тошнотворный. Миг – и всё прошло.

Виолетта посмотрела вперёд. Усталость и жара всё же действуют. Чем скорее она окажется дома,

тем лучше.

В шумном людском потоке, казалось, можно забыть обо всем. Нужно смотреть, чтобы не

затоптали, и сам ни на кого не наступил. Огромная живая змея из множества чешуек-людей

медленно двигалась вперёд. Рядом – гладкой серебристой стрелой несутся вагоны метро. Жизнь

идёт размеренно и спокойно. Её не волнуют проблемы простых смертных.

Ранее Виолетта не допускала таких мыслей. Теперь они стали появляться всё чаще. Скорее всего,

это надо было списать на возраст. Юность уже не вернется, до старости ещё далековато, но

задуматься не помешает. Хотелось бы по-прежнему вставать по утрам и, глядя за окно, радоваться новому, а не думать, как пережить ещё один день.

Виолетта бросила взгляд на изящные часы с серебристой веточкой металлического браслета. Без чего-то восемь. Скоро можно будет полностью перебраться на работу и жить там. Это ликвидирует ряд проблем вроде визгливой соседки и её ребёночка, которому никогда не придётся страдать от переизбытка интеллекта.

В целом, кризис среднего возраста только подбирался, но настроения не было давно. Кира

Каталинская, подруга с дипломом психолога, говорила не расстраиваться, по-научному

раскладывала проблему на косточки и советовала не перенапрягаться. Будь на её месте кто другой,

Виолетта бы не поверила, но Каталинская – особый случай. Её удача – зверь пугливый и

неприрученный, появляющийся только тогда, когда ему пожелается. Но даже при таком раскладе

она не падала духом. Имея такой пример перед глазами, Виолетта понимала, что всё возможно.

Долго ждать не пришлось. Сев между пожилой женщиной с огромной сумкой и вертлявой девицей

лет шестнадцати, Виолетта почувствовала, как заломило спину и заныла поясница – весь день

приходилось помнить про осанку, на встрече с партнерами не расслабишься. Она откинула голову, касаясь затылком холодной стенки, и прикрыла глаза. Ехать далеко, можно даже вздремнуть.

Обычно электронная книга – лучший спутник в поездке, но сейчас ей лучше лежать в сумке.

Вникнуть в текст всё равно не получится, а перечитывать заново – глупая трата времени. К тому же среди разнообразия на прилавках всё никак не попала та, которую бы можно было читать с удовольствием. Читиво было похоже на серую однородную массу, не вызывавшую никакого интереса.

Виолетта выдохнула. Справа громко заиграла мелодия из фильма про Шерлока Холмса. Старого, ещё с артистом Ливановым в главной роли. Уже было подумав на пожилую даму, Виолетта искренне удивилась, когда по мобильному вдруг затараторила юная девица справа.

Надо же, – хмыкнула она про себя. – Оказывается, не всё потеряно. Молодое поколение не отвергает хороших вещей. Впрочем...

Хорошие вещи – понятие очень широкое. Кому нравится слушать Магомаева, а кому лучше

Роллинг Стоунз и Скорпионз. Или Сплин с Ночными снайперами. Выбор огромный, бери что

хочешь. Единственное, что от Виолетты было так же далеко, как Нептун от Земли, так это современная популярная музыка. С экранов телевизоров её подавали в неограниченных количествах, однако Виолетта предпочитала такие вещи для себя исключать.

– Да я же говорю тебе, – звонко произнесла девица, – вчера мне Ленка рассказала. На сайте вычитала. Ну да! Представляешь, что творится уже! Ты только своей старшей не вздумай сказать.

Ей-то страшилки такие слушать нельзя. Ещё дома рожать надумает.

Виолетта повела плечами, чтобы не занемели в такой позе. Оказалось, сидеть не так уж и удобно.

Она открыла глаза и осмотрелась. Напротив сидели мальчишки-подростки, чуть поодаль – молодая мать с ребёнком лет шести, хмурый старик неодобрительно поглядывал на говорившую по

телефону девушку. Её голосок был слышен в каждом уголке вагона. Виолетта ничего не имела

против разговоров в общественных местах, но считала, что можно говорить и потише. Не

обязательно, чтобы все вокруг знали о твоих проблемах. Девица проронила неприличное слово,

пожилая дама брезгливо поджала губы и бросила на Виолетту взгляд, мол, видите, чему их учат в

школах? Виолетту это не особо волновало. Замолчала бы, и то хорошо.

– Ненормальная она у тебя, – буркнула девица в трубку. – Говорю же, лучше не давать ей поводов нервничать. Да ещё и Вадька её козёл. Может, не бросил бы – иначе всё повернулось, а так...

Виолетта невольно усмехнулась, бездумно глядя на пакет с обувью. Ситуации везде одинаковые, про своего Игоря она думала точно так же.

– Ну и как знаешь! – вдруг рявкнула в трубку девица и раздражённо нажала на «отбой».

Она вдруг посмотрела на Виолетту. В серых глазах, щедро крашенных тушью и тенями, почему-то появилось странное выражение, словно она искала поддержки.

– Вот скажите, – её голос прозвучал неожиданно тихо и глухо, будто доносился откуда-то издалека.

Виолетту поразила такая перемена: тут чуть ли не кричала, а тут – раз! – совсем другой человек.

Пожилая женщина даже чуть подалась вперёд, чтобы послушать, что скажет девица. Но та, кажется, ничего не видела вокруг.

– Если детей воруют прямо в роддоме, то можно ли кому-то верить? Но ведь если сказать матери, то ничего хорошего же не будет, так?

Старик снова уткнулся в газету, молодая мать недоверчи-

во поглядела на неё, но крепче прижала к себе ребёнка – неосознанно, порывисто, будто пытаюсь защитить.

Пожилая женщина покачала головой и цокнула языком.

– Да, детонька, сейчас творится страшное. А что уж что потом делают с ними – один Бог знает.

Ведь и на органы могут продавать, и в рабство.

Виолетта поморщилась: соседка слева оказалась сплетницей, которая красит всё в чёрные тона.

Всё плохо, будет ещё хуже. От таких людей не скрыться, но жаль, что выходить не прямо сейчас, поэтому придётся слушать.

– Я не знаю, – медленно произнесла девица, – только ничего хорошего – это точно. – Она снова

посмотрела на Виолетту, словно недовольная тем, что не услышала от неё ни слова. – Вот вы бы

что сделали, если б узнали о таком, а ваша подруга должна была бы рожать?

Виолетту озадачила такая постановка вопроса. Хотя бы потому, что в её окружении никто рожать

не собирался. Разве что Каталинская могла бы. Но та была из рода таких дам, что дала бы

прикурить самому Джеку Потрошителю, вздумай он покуситься на её ребёнка.

– Зарезала бы вора, – сухо сказала Виолетта.

Пожилая женщина еле слышно охнула и даже забыла, что

хотела что-то сказать. Девица чуть рассеяно похлопала ресницами и уткнулась в свой мобильный, будто там резко возникло что-то очень важное.

Старик неодобрительно посмотрел на Виолетту и покачал головой, мать с ребёнком сделала вид, что ничего не слышала. Сама Виолетта понимала, что ответ оказался резким, но, тем не менее, была довольна, что все вмиг замолчали, перестав приставать с дурацкими разговорами.

Вагон плавно остановился, с тихим шипением открылись двери. Виолетта встала и покинула его, радуясь, что скоро будет дома.

Глава 2. Вечер

Вечер тянулся: медленно, душно, не желая уступать место ночи. Виолетта сидела на балконе и

молча смотрела на заходившее солнце. Тонкая сигарета в длинных пальцах тлела, выпуская сизый

дымок. Во рту растеклась горечь табака с привкусом вишни. Мать всегда говорила, что курить

такие сигареты могут только интеллектуалы, непризнанные гении и извращенцы. Виолетта не

относила себя ни к одной из этих категорий, однако мать периодически приписывала ей их все сразу.

– Ты могла бы быть учёным, – глухой голос матери, ка-

жется, отталкивается от серых стен

квартиры, дрожит, миг – и рассеется пылью. – Сколько собрала красных дипломов? Один, два? У

тебя золотая медаль лежит в коробочке. Зачем?

Каждый разговор с ней – очередное напоминание, что из блестящего талантливого ребёнка ничего

не вышло. Ничего – это экономист, это цифры в глазах, это прокуренный голос, деньги каждый

месяц, часть которых получает мать, и безразличие ко всем выговорам.

В гости к родителям Виолетта старалась ходить нечасто. Собственные недостатки не казались

столь удручающе огромными, когда глухой голос вновь начинал повторять:

– Ты бы могла... Ты же раньше... Почему же не сейчас?

Вопрос стекает расплавленным железом. После не остаётся ни мыслей, ни желаний – только пепел

и пыль. Так бывает в местах, где века назад прошёл поток раскалённой лавы. В местах, где больше ничего не будет.

Сигарета догорела, кончики пальцев обожгло. Виолетта поморщилась, потянулась за пачкой и

достала новую. Налетел прохладный ветерок, шевеля каштановые волосы. Виолетта сделала

глубокий вдох, только надышаться всё равно не вышло. Прохладный ветер, но какой...

неправильный. Духота смеялась над людьми, ветер ничего не мог с ней поделать.

Щёлкнуло колёсико зажигалки, табачная горечь снова полилась вишнёвой горячей струёй в горло.

Внизу слышался скрип ржавых качелей, ещё из тех, что поставили несколько лет назад.

Металлический столб, еле крутящееся колесо на его вершине и две мощные цепи, прикреплённые

к нему. На свободных концах цепей – узкие доски. Дети садятся на последние, доисторические

качели начинали крутиться, хрипя от старости. Внизу вдруг звонко закричал ребёнок. Тут же

раздался громкий окрик женщины:

– Мишка, стой! Куда на дорогу?! Ну, я тебя сейчас!

Ребёнок замолк, Виолетта глянула вниз. Мальчик лет пяти растерянно стоял посреди дороги и

смотрел на приближавшуюся женщину в зелёном платье. Из-за поворота, сверкнув фарами, будто

хищник глазами в темноте, повернула приземистая машина.

Идиот какой-то, – подумала Виолетта, – фары не забыл включить, а объехать детскую площадку ума не хватило.

Машина рыкнула, молодая женщина ухватила ребёнка, моментально забыв, что хотела наказать, и

метнулась в сторону. Машина на скорости пронеслась ми-

мо. Женщина в зелёном не двигалась,
молча глядя ей вслед.

Виолетта чуть нахмурилась. Почему-то вспомнился разговор в метро. Истеричная девица и старая сплетница – не та компания, о которой нужно думать. Разговор с ними был странным.

Украсть ребёнка. Она затаилась, выпустила дым. Таким может заниматься кто угодно. Органы там, что-то иное. Достаточно на свете богатых бездетных пар, готовых отдать любые деньги за младенца.

Она передёрнула плечами и раздавила окурок в пепельнице. Сволочи. Всё равно таким нет прощения. Из корыстных целей они делают несчастными настоящих родителей.

Виолетта прикрыла глаза. Настроение ни к чёрту. Внезапно пришло воспоминание. Даже не воспоминание, а его тень – вытянутая и трепещущая, такая бывает от пламени свечи, которое сдувает ветер.

Внизу снова кто-то закричал, но она уже не стала смотреть туда. Нечего. Бабки на скамейках у подъезда завтра преподнесут все новости на блюдечке с голубой каёмочкой. Вновь раздался скрип ржавых качелей, залаяли собаки, непутёвый Мишка, кажется, опять выскочил на дорогу – слышны

крики его матери. Можно бесконечно наблюдать. Ничего не изменится.

Виолетта открыла дверь и вошла в комнату. До этого кондиционер не зря работал около часа,

чтобы ночью можно было спокойно спать. Но спать ей не хотелось. Она прошла на кухню, взяла

тусклую турку, сыпанула кофе, залила водой и поставила на огонь.

Надо бы почистить турку, – рассеянно подумала Виолетта, глядя на готовящийся напиток.

– Нелепые аристократские замашки, – звучит в ушах голос отца, хриплый, странно звучный, будто

в трубу кто насыпал песка. Вроде всё слышно, но при этом есть ощущение фальши и

неправильности. – Варят кофе бездельники и гурманы, как твоя мать.

С матерью они разошлись, когда Виолетте было тринадцать. Это официально. А разлад пошёл на

пять лет раньше. Художник, дитя свободы и сторонник временных заработков так и не смог

научиться жить в семье, воспринимая себя её частью. Было вообще удивительно, как они жили

вместе до этого. Отец, Сергей Викторович Белянцев, не способен был говорить вместо «я» – мы,

вставать по утрам, ходить каждый день на работу и следовать заученным правилам. Остальное –

пыль, мелочи жизни. Поэтому вареный кофе был ему непонятен.

Виолетта сняла турку и перелила напиток в чашку. За окном кто-то пронзительно взвизгнул, рука

дрогнула, коричневая ароматная жидкость полилась на светлый пластик стола. Она ругнулась,

ухватила первую попавшуюся под руку тряпку и принялась вытирать. У отца было всегда так же.

Не пролить, не разбить у него не получалось. Обязательно случалось что-то такое, что потом

приводило к скандалу. В нём обычно победительницей выходила мать. Отец, поджав губы, уходил

к себе в комнату и закрывался, не желая никого слышать. После этого они могли не разговаривать

несколько дней. Хуже всего в это время было то, что про Виолетту оба словно забывали. Такие дни

казались серыми и блеклыми, а по ночам приходило чудовище. Оно почему-то пахло сиренью,

сладостями и... страхом. Среди темноты не получалось его разглядеть, однако Виолетта очень

хорошо знала, что чудовище рядом. Оно дышало на ухо, от этого было тепло и щекотно, но по

позвоночнику ползли мурашки, и хотелось кричать. Только нельзя было размыкать губ, иначе

чудовище метнется сгустком тьмы вперёд, войдёт в глаза, оплетёт с ног до головы и утянет за

собой. Куда – Виолетта не знала и не пыталась узнать. Играть в молчанку с чудовищем было страшно, но правильно. Каждый вёл свою партию, зная, что второй не нарушит правил.

Виолетта всегда хотела, чтобы бесшумно открылась дверь, и в комнату вошла мать. Или отец. А чудовище, испугавшись взрослых и света, рассеялось, как чёрная пыль. Но никто не приходил.

Тишина в доме била по нервам, оглушала бешеным стуком собственного сердца.

Виолетта иногда беззвучно плакала, но не смела выйти сама. Нельзя. Чудовище будет против, оно хочет играть. От запаха сирени становилось дурно, желудок делал кульбит, тошнота подбиралась к горлу, а перед глазами появлялись цветные тени. Что было потом – она не помнила, просто просыпалась утром. С лучами солнца кошмары таяли, рассказывать о них было боязно. Мать в мистику не верила, могла жестоко засмеять, а отцу, кажется, было абсолютно всё равно.

Потом чудовище ушло, исчезло быстро и бесшумно, как надоедливый сосед, который вдруг решил сменить квартиру. Скучать никто не будет, но и совсем забыть не сумеют.

Виолетта привела в порядок стол и принялась за кофе. Он уже подостыл, поэтому можно было

насладиться напитком не обжигаясь.

Она присела на диван. Кухня была обставлена неплохой мебелью даже по столичным меркам.

Зарплата позволяла приобретать хорошие вещи, но никак не людей. Виолетта невольно

задумалась, пытаясь понять, почему вспомнилось чудовище из ночных кошмаров. Да и как оно

появилось – никогда не задумывалась. А ведь появилось же. Пришло из ниоткуда быстро и мягко, будто и не отходило от детской колыбельки.

Кофе вдруг показался горьким, сигаретный дым и тот приятнее был. Виолетта поморщилась,

встала и вылила остатки в раковину. Незадавшийся день продолжался дрянным вечером. Но

чудовище... В детстве ей снился сон. Особенно, когда жёлтый фонарь светил прямо в окно, и

казалось, что раскаленные электрические лучи проникают в маленькую комнатку, она видела его совсем близко.

Сгусток тьмы появлялся возле шкафа с книгами, замирал, словно прислушиваясь и проверяя, есть

ли рядом с ним кто-то. Сердце стучало в ушах, ладони становились влажными, Виолетта

впивалась пальцами в одеяло, под которым было нестерпимо жарко. Тьма не двигалась, живой

кляксой замирала в комнате, а потом вдруг вздрагивала,

вытягивалась веретеном, трепетала, как
под порывом ветра. Хотелось истошно кричать, но голос
пропадал. Из тьмы начинало выползать
чудовище: медленно, неторопливо. Возле тьмы появлял-
ся белый червь и какая-то странная
тёмная согнутая палка. Виолетта хрипло выдыхала, пони-
мая, что палка – это лапа, а червь –
изогнутый коготь. Проходил миг, и чудовище резко пры-
гало на потолок. Металось вправо, потом
влево, слышался пронзительный стрекот и тут же резко
обрывался, будто кто затыкал Виолетте
уши берушами. Звук больше не повторялся, но чудовище
продолжало метаться по потолку и
стенам. Его можно было видеть только краем глаза и лишь
в движении. Девочка холодела,
пошевелиться не было сил. Стрекот пронзал стрелой и
неожиданно переливался в вой сирены
скорой помощи. Потом слышались с улицы возбуждённые
голоса.

Виолетта не шевелилась, но в какой-то момент вдруг по-
нимала, что чудовище исчезло. встать и
подойти к окну она всё равно не осмеливадась. Лежала,
боясь вздохнуть. Сон был слишком похож
на реальность. Потом становилось спокойнее, и остаток
ночи проходил спокойно. Правда, наутро
она узнала, что у соседа случился сердечный приступ, и

вызывали врачей.

Тогда почему-то подумалось, что он тоже видел чудовище, но не сумел смолчать и закричал.

Поэтому оно его и забрало, а её – нет. Сон или реальность? Виолетта никому не рассказала о своих мыслях, решив, что всё равно никто не поверит.

Чашка чуть не выскользнула из рук. Она быстро закрыла кран. Посуда бьётся к счастью и

опустошению бюджета. Поставила чашку на место, решив, что бодрящих напитков на ночь лучше все-таки не пить, а то детский страх может вернуться.

Неожиданная трель телефонного звонка заставила вздрогнуть.

– Кого ещё на ночь глядя, – прошипела Виолетта сквозь зубы. Телефон она не любила, считая, что говорить по нему можно только по рабочим вопросам или с очень близкими людьми. Последних у неё было слишком мало, а о работе сегодня уже думать не хотелось.

Она глянула на определитель. Каталинская. Кира не считает, что почти ночь – это повод не беспокоить, она вообще не любила условности.

Виолетта взяла трубку.

– Ты там долго ещё собираешься киснуть? – поздороваться подруга даже не подумала. – Помнишь, что на выходных мы записались на семинар по сновиде-

нию?

Виолетта кивнула, но потом спохватилась и ответила:

– Да, помню. Надеюсь, что не буду работать. Столько всего...

На семинар они собирались давно, поэтому пропускать его не стоило. Но если совсем не будет сил, то сидеть, как выжатый лимон, нет смысла.

– И думать не смей, – обрубил Кира. – Ничего не знаю. Соберёшься и пойдёшь. Ты меня уже второй месяц за нос водишь.

Виолетте стало стыдно, подруга была права.

– Хорошо, договорились. В эту субботу – обязательно.

– Вот и ладушки, – повеселела Каталинская. – Завтра тебе я ещё позвоню. Добрых снов.

– И тебе.

Виолетта посмотрела в окно, за которым уже была ночь. Уверенность, что придут именно хорошие сны, почему-то быстро растаяла.

Глава 3. Прошлое

В парке было шумно, людно и празднично. Ярко и нарядно одетые мужчины и женщины смеются

и громко разговаривают, обходя Виолетту и её родителей. Девочка с любопытством глазела по

сторонам. Такие выходы у них нечасто, поэтому на душе становится радостнее в два раза. В

правой руке зажата ладонь мамы, в левой – папы. Оба се-

годня выглядят не так, как обычно. Мама надела коричневое платье, приколола брошку-бабочку с разноцветными крыльями. Они едва заметно подрагивают и ослепительно сверкают в свете фонарей, заставляя жмуриться или отворачиваться. Виолетта долго разглядывала брошку, считая, что её сотворил настоящий волшебник. Мама смеялась и говорила, что это всего лишь «аметисты и гранаты». Ни первое, ни второе слово четырёхлетнему ребёнку не понять, поэтому Виолетта решила, что это всего лишь какие-то заклинания, благодаря которым потом получатся такие красивейшие вещи. И когда она вырастет, то у неё будет множество такие украшений, которые она сможет менять хоть каждый день. Только все равно казалось, что всё же есть что-то такое, что заставляет маму быть в напряжении и внимательно смотреть по сторонам. При чем старается она это делать так, чтобы отец ничего не заметил.

Сам отец – в строгом тёмном костюме. Почему-то кажется, что именно так должен выглядеть самый настоящий папа. Не так красиво, конечно, как мама, но так... солидно и уверенно.

Виолетта, по словам обоих родителей, выглядит, как «настоящая принцесса». Розовое платье с

оборками, которые колят колени, стоит только сесть на скамеечку, пышные банты на тёмных волосах и маленькие туфельки.

– Золушка, – говорил папа, улыбаясь и глядя на неё. – Самая настоящая Золушка. Разве что кареты нет.

– С каретами сейчас сложно, – смеялась мать. На удивление, она делала это искренне и открыто, что бывает так редко. Родители вообще тогда говорили друг с другом резко, громко и неприятно.

Хотелось закрыть уши ладонями и не слышать их.

Виолетте уже читали сказку про Золушку, однако ей эта история совсем не понравилась. Ведь

прежде чем стать принцессой бедной девушке пришлось страдать и терпеть очень много плохих

вещей. Единственная, кто Виолетте нравится в сказке, это тётушка волшебница. Она добрая,

красивая и... волшебница. Этим всё сказано и ведь это же так здорово! Наверно, такая же, как и

тот, кто сделал маме бабочку с «аметистами и гранатами». Мама, кстати, говорила, что это всего

лишь камни. Но Виолетта не верила ей. Камни она видела во дворе возле дома. И на дороге, что

ведёт к большому магазину с конфетами и печеньем. Камни большие, серые и некрасивые. А тут

глаз отвести нельзя. Поэтому никакие это не камни!

– Хочешь сладкой ваты? – спросил папа и кивнул в сторону низенькой женщины-продавщицы возле столика.

Виолетта радостно подпрыгнула, норовя повиснуть у родителей на руках, и закивала.

– Хочу, – сказала она тем непререкаемым тоном, которым могут говорить лишь маленькие, точно зная, что взрослые обязательно исполняют их желания.

В этот раз даже мама не ругалась и не говорила, что много сладкого – очень вредно, а открыла

кошелёк и вынула деньги. Вата оказалась по-настоящему вкусной. Казалось, что её можно есть на

завтрак с обедом и ужином. Виолетта решила тогда, что вата эта особенная, праздничная. Оттого и

настолько вкусная. Вот если, например, прийти завтра, то уже всё будет совсем иначе, ничего подобного попробовать не удастся.

На миг сказка, правда, исчезла. В толпе Виолетта заметила странную женщину, которая неотрывно

на неё смотрела. Внимательно, цепко и нехорошо. Не взгляды, а острые иголки, которые впивались в

кожу. Потом женщину закрыл собой какой-то высокий человек, и она исчезла из поля зрения.

Вместе с неприятными ощущениями девочка выбросила из головы и незнакомку.

Руки после лакомства стали сладкими и липкими. Таки-

ми, что так и хочется вытереть их о надоевшее платье. Особенно о гадкие оборки. Кто и зачем придумал их? Хоть мама и говорила перед прогулкой, что так красивее, Виолетта ее совершенно не понимала, считая, что взрослые совсем ничего не знают о красоте. Вот мама красивая, но оборок у неё нет. И папа тоже. Так зачем же они?

Руки ей тогда вытерли чистым платком, который пах мамины духами, и сказали, что принцессы должны быть чистыми. Виолетта в жизни не видела ни одной принцессы, поэтому ничего

возразить не могла, но уже стала считать всех принцесс занудами. Тем же платком ей пытались

вытереть губы и щёки, но Виолетту это совершенно не интересовало. Она увидела карусель,

раскрашенную в голубой, жёлтый и зелёный цвета. На смешных пони сидят дети и ездят по кругу.

Пони, разумеется, не живые, а карусельные. Совсем не страшные и маленькие. Живую лошадку

Виолетта видела той осенью. Хорошая лошадка была, ласковая. С тёмными печальными глазами,

мягкой густой гривой и бархатным на ощупь бочком. Но покататься на ней так и не получилось.

Когда Виолетту попытались посадить на лошадку, девочка начала кричать и плакать. Тогда почему-

то не получилось объяснить, что лошадку жалко, она живая и не должна возить тяжести.

Возможно, расскажи Виолетта о своих соображениях, её сумели бы успокоить, но, увы, никому это

не пришло в голову. И даже когда детство осталось в далёком прошлом, будучи взрослой

женщиной, Виолетта всё равно не могла заставить себя сесть на лошадь или прокатиться в

повозке, запряжённой симпатичными пони. Порой детские убеждения так же сильны, как и

детские страхи.

В какой-то момент мать начала часто озираться, теребить в руках сумочку и крепко хватать дочь за

руку, держа так, будто должно произойти что-то страшное, от которого предется убежать

Отец недовольно посмотрел на неё. И в то же время взгляд у него немного растерянный, он всё

время смотрел в сторону, будто не желая видеть своих жену и дочь.

– Серёжа, людей становится слишком много, – с нажимом произнесла мать. – Погуляли и хватит,

пора возвращаться.

Отец тяжело вздохнул, уходить ему явно не хотелось:

– Варь, ну чего ты? Даже до вечера ещё далеко. И день такой хороший.

Мать сжала руку дочери ещё сильнее, и Виолетта ойкнула

от неожиданности:

– Мам, больно!

– Отпусти её, – тихо сказал отец. – Прогони свою паранойю хоть сейчас.

Мать зло сощурила глаза и сказала так, что по спине у девочки побежали мурашки:

– Паранойю? Ты хочешь повторения, да? Повторения? Одного раза уже было мало тебе?

Отец бросил взгляд на Виолетту:

– Не сейчас, – коротко сказал он, а потом наклонился и взял дочь на руки. – Смотри, – это уже матери, – так будет всё в порядке. Давай, ещё пройдемся чуть-чуть. И пойдём домой, честно.

Мать рассерженно фыркнула, но поймав непонимающий взгляд Виолетты, будто смирилась и молча пошла за отцом. Виолетта же рассматривала людей вокруг, стараясь не думать о странном разговоре родителей.

Чуть вдалеке, возле раскидистых деревьев, в тени маленькой аллеи, опять стояла высокая женщина. Совсем худая, можно даже сказать – вытянутая, напоминающая злодейку из книжки, которую вчера на ночь читала мама.

Женщина вдруг резко повернула голову, отчего у Виолетты ёкнуло внутри. Лицо разглядеть нельзя – сплошное размытое пятно, и только глаза сверкали.

Большие, чёрные, прожигающие насквозь.

От них стало жарко и холодно одновременно. А ещё вдоль позвоночника пополз влажной змейкой

страх, от которого онемели губы и нельзя было произнести ни слова. Женщина подняла руку и

указательным пальцем поманила Виолетту к себе.

– Ты мне ухо оторвёшь, – неожиданно послышалось бурчание отца.

Виолетта виновато убрала руку, понимая, что вцепилась в него изо всех сил.

– Но там...

– Опустить её, – устало сказала мать. – Большая уже, сама должна ходить. За руку со мной пойдёт.

Отец хмыкнул:

– Да перестань ты бояться каждой тени!

– Ты мне так уже говорил! – в голосе матери появились опасные дрожащие нотки. – С самого начала!

Виолетта увидела прилавок с мороженым и потянула мать за юбку:

– Мам, купи мороженое, а?

Начавший уже набирать обороты скандал резко затих. Чтобы купить мороженое, пришлось встать

в очередь. Мать потянула Виолетту за собой. Людей много, среди очереди мальчишки-подростки

затеяли возню, и тут же со всех сторон посыпались возму-

щения и ругань. Виолетта отошла на шаг

от матери, чтобы посмотреть, что же там такое происходит и что так громко все это обсуждают.

– Интересно, да?

От хриплого ледяного голоса сердце ушло куда-то вниз.

Виолетта подняла голову. Свет

прожектора ослепил, не давая разглядеть склонившуюся женщину. Крик «мама» застыл где-то в горле.

– Ну что, маленькая, узнаёшь меня? – голос незнакомки звучал почти ласково, однако Виолетте

захотелось бежать от него как можно дальше. Она сделала маленький шагок назад.

Женщина протянула руку и коснулась плеча Виолетты. Той показалось, что через тонкую ткань

платья она чувствовала, как к коже приложили кубик льда.

– Пойдём со мной, – мягко, но настойчиво произнесла женщина.

– Виолетта! – резкий крик отца.

Незнакомка резко дёрнулась, съёжилась, мигом уменьшившись. Зыркнула на Виолетту и моментально скрылась в толпе.

Отец подошел к девочке и отвел в сторону:

– Стой рядом со мной, а то мама нам даст...

Договорить он не успел, подошла мать и протянула Вио-

летте рожок с мороженым. Но есть почему-то уже не хотелось. Она взяла когда-то бывшее желанным лакомство и вдруг неожиданно сама для себя произнесла:

– Мам, пока вы тут стояли, меня тётя пыталась увести.

– Что? – Глаза матери расширились от ужаса. – Какая тётя?

– Ну, такая... Страшная.

Мать быстро встала и бросила отцу:

– Как ты мог от неё отойти?! Ты же сам говорил, что в порядке всё будет! Где твой порядок? Куда ты смотришь?

– Да я... – начал он говорить.

– Так всегда! Тебе плевать на неё! И на меня тоже! Что тебя вообще интересует? Да... – Она

сдавленно всхлипнула и, схватив Виолетту за руку, быстро пошла вперёд, проходя между людьми.

– Варвара! – крикнул ей вслед отец.

Но мать только ускорила шаг и не стала его слушать ничего слышать. Виолетта обернулась.

Никогда она не видела его таким потерянным.

Глава 4. Воспоминания

Пальцы быстро стучали по клавиатуре. Напротив Виолетты сидел надоедливый подрядчик из

строительной фирмы и пытался доказать, что отчеты сделаны верно. Стопка бумаг на краю стола

неуклонно росла, а цифры на экране никак не хотели сходиться с теми, что были написаны в отчёте.

День едва начался, а настроение было испорчено выговором начальства. Сосредоточиться на работе не получалось, потому что каждые пятнадцать минут раскрывалась дверь в кабинет, и появлялся новый посетитель.

С утра работа не заладилась, всё валилось из рук, при желании сделать быстрее, получилось с точностью до наоборот.

– Виолетта Сергеевна! – недовольно протянул подрядчик. – Вы ж меня не слушаете!

Глаза мои тебя не видели, – только успела подумать Виолетта.

На экране монитора появилось продолговатое окно, окаймлённое раздражающе красным цветом.

Виолетта шумно выдохнула.

– Программа зависла. Подождите.

Подрядчик нахмурился, хотел было что-то сказать, но раздался громкий телефонный звонок.

Виолетта от неожиданности чуть не подпрыгнула и схватила трубку.

– Зайди ко мне, – обронил начальник, и тут же послышались короткие гудки.

Ругнувшись про себя, она встала из-за стола и рванула к

двери, прокручивая в голове, где и что

могла запороть ещё, раз начальство говорит таким недозвольным тоном.

– Виолетта Сер... – послышалось за спиной.

– Я сказала, ждите! – рявкнула она и выскочила за дверь.

До кабинета начальника нужно было пробежать приличное расстояние. Виолетта краем глаза

посмотрела за окно: на улице лил проливной дождь. Почему-то вместе с ним из прошлого

приходили странные образы. Тёмная квартира, запах сирени – густой и сладкий, необъяснимо

вездесущий; высокие шкафы, заставленные книгами, и вкус свежей выпечки. Мать никогда ничего

не пекла, отмахиваясь тем, что не было времени. Бабушку Виолетта совсем не помнила – та

умерла, когда девочке не было и месяца. Вместе со странной обстановкой в памяти иногда

возникал облик нескладной темноглазой женщины. Не молодой и не старой, вроде обычной –

таких сотни, только в глубине почти черных глаз всегда пряталось что-то непонятное. Так бывает,

когда глядя в прозрачную воду озера, невозможно рассмотреть его дно.

Виолетта отогнала прочь ненужные мысли и остановилась возле двери. Сделала глубокий вдох,

стараясь успокоить вдруг бешено заколотившееся сердце.

Пребывающий в дрянном настроении

начальник имел привычку цепляться к каждой мелочи, поэтому избежать неприятного разговора

было невозможно. Она подняла руку и постучала. Стук вышел коротким и нервным, но никакого

ответа не последовало, пришлось входить так.

Начальник сидел, внимательно изучая бумаги, и даже не поднял головы.

– Виктор Борисович, можно?

– Давай сюда, – буркнул он, громко захлопывая папку с отчетами. – Объясни мне, Белянцева, до

каких пор мне будут промывать мозги в департаменте за твои ошибки?

Виолетта смотрела в пол, изучая паркет. Она знала, что спорить бесполезно, бурю лучше

переждать.

– Молчишь? А вот я так молчать не могу там!

Он громко потарабанил пальцами по столу. Послышался еле уловимый скрип – с таким звуком

стул начальника всегда отъезжал в сторону.

– В общем, мне таких работников не надо, Белянцева, – уронил Виктор Борисович, – хочешь

считать ворон за окном – пожалуйста. Но не в моей фирме.

Виолетта сжала кулаки, ногти до боли впились в ладони. Внутри клокотали ярость и обида.

– Пойду, Виктор Борисович, – неожиданно холодно сказала она. – Клиента из «Стройбуда» прислать к вам?

Начальник нахмурился. Что-то прозвучавшее в голосе Виолетты заставило его насторожиться.

Жёсткое, решительное и отстранённо-бунтарское. Обстановка накалилась до предела. Он вдруг понял, что сейчас она действительно может уйти.

– Я жду ваших распоряжений.

Начальник неожиданно опустил плечи и резко махнул рукой:

– Сама занимайся. У меня департамент и это... Иди сюда, короче. У меня тут с программой проблемы.

Виолетта смотрела на него, как настороженный зверёк, готовый в любую минуту кинуться и

впиться в горло, но, кажется... и впрямь всё прошло. Виолетта подошла к компьютеру Виктора

Борисовича. Последний указал на своё место:

– Садись, я подожду.

Виолетта клацнула на нужную вкладку, но внезапно оказалась на каком-то непонятном сайте. Как

раз из рода тех, где мигали рекламные баннеры, пестрели вызывающие заголовки, зазывая сделать

переход на другие веб-страницы. Она попыталась закрыть его, однако стрелка мышки

превратилась в миниатюрные песочные часы, а на весь экран вдруг раскрылась вкладка с фотороботом какой-то женщины.

«Киднеппинг сегодня – обычное дело?» – прочла она заголовок. Далее шла статья, но её Виолетта

уже не заметила. Внутри вдруг всё похолодело, как замороженная она смотрела на монитор. Ведь

фоторобот всегда отвратительного качества, так что толком рассмотреть мало что получилось:

тёмные глаза, длинный нос, большой рот. Но, казалось, что она смотрела прямо на Виолетту. По

монитору вдруг пробежала рябь, рот женщины дёрнулся, будто она собиралась что-то сказать.

Черты лица искривились, лицо смазалось грязно-белым пятном, но глаза продолжали смотреть на

неё. В горле Виолетты появился горячий тяжёлый ком, а внутренности сдавливают железным обруч ужаса.

Тёмные глаза глянули прямо на неё, обнажились кривые зубы в жуткой усмешке. Рука с длинными изогнутыми ногтями дрогнула и потянулась вперёд.

Не отдавая себе отчета, Виолетта резко опустила руку и нажала на кнопку перезагрузки. Тихий

щелчок отрезвил, развеяв накативший вязкой волной нахлынувший ужас. Воздух пошёл в лёгкие,

она только сейчас сообразила, что не дышала, пока смот-

рела на монитор.

– Белянцева, ты чего? – подозрительно спросил начальник, за это время на удивление не проронивший ни слова.

– Комп... – голос сорвался. Виолетта прокашлялась и повторила более уверенно: – Компьютер у вас уже плохо работает. Надо новый, Виктор Борисович. Начальник явно не поверил, но покивал:

– Да, ты права, давно пора. Так звать программиста?

Виолетта покачала головой:

– Сейчас справимся, но в следующий раз – не знаю.

Её мысли были далеко от начальника с его дурацкой техникой. Перед глазами по-прежнему стояло жуткое лицо, и Виолетта готова была поклясться, что это был не просто фоторобот.

Дальнейшая настройка программы прошла в полной тишине. Уже когда Виолетта выходила из кабинета, начальник вдруг окликнул её.

– Что? – обернулась она, удерживая дверь.

– Ты это... не обижайся на меня, – вдруг выдал Виктор Борисович, чем неслабо озадачил, потому что подобных слов от него почти не слышали. – Сама понимаешь, департамент... Ну, и всё остальное.

– Понимаю, – кивнула Виолетта. – Могу идти?

– Иди, – начальник вдруг снова стал хмурым, словно ре-

шил, что слишком долго пребывал в человеческом облике, – иди уже.

Передышка закончилась. Почти бегом пришлось нестись назад, в свой кабинет. Слова Виктора

Борисовича несколько отвлекли от ужаса увиденного, оставив его где-то глубоко внутри.

Приглушили, но не уничтожили полностью.

Когда Виолетта вернулась, подрядчик был на месте, однако посмотрел на неё так, словно она сделала что-то непростительное.

– Я думал, вы не вернётесь.

– Вернулась, – хмыкнула Виолетта. После разговора с начальником любой клиент казался беззубой

собачонкой, поэтому нервничать она больше не собиралась. Собрала бумаги, ловко засунула в папку и вручила подрядчику.

– Я это не принимаю, сделайте правильно и привозите завтра.

Тот вспыхнул, сделал шумный вдох, но Виолетта не дала ему рта раскрыть:

– Переделать, – четко выговорила она. – Иначе приду с проверкой.

В кармане тут же запиликал мобильный. Напуганный подрядчик сразу сник и кивнул:

– Как скажете, Виолетта Сергеевна.

От Каталинской пришла смс-ка, в которой подруга напо-

минала, что завтра нужно не опоздать на семинар, иначе их попросту не пустят. Виолетта поклялась себе, что ни за что не забудет поставить будильник на нужное время, и спрятала телефон. Собственный компьютер всё же пришлось передавать в руки программистов. Стопка бумаг уже была разделена на две части. Однако работа снова застопорилась. Почему-то казалось, что стоит лишь перевернуть документ, как на следующей странице она встретится глазами со страшной незнакомкой и услышит леденящий душу голос:

– Ты ушла от меня, глупая. Вот видишь, теперь приходится искать замену.

Почему именно это?

Глава 5. Семинар

Выходной начался с затянутого серыми тучами неба и стены проливного дождя. Однако Виолетту скорее радовала такая погода, чем расстраивала. Москвичи давно ждали прохлады и дождь встретили с благодарностью.

Виолетта стояла под зонтом на остановке, ожидая опаздававшую Каталинскую. Холодные капли стекали по обнажённым рукам, впитывались в лёгкую ткань платья, но возвращаться домой уже не было времени – семинар начнется через полчаса.

– Девушка, не подскажите, который час? – раздался хрип-

лый голос справа.

Виолетта повернула голову и встретила взгляд со смешливыми зелёными глазами. Собеседник

оказался молод, неплохо одет, с короткими чуть взлохмаченными волосами и кривым шрамом,

пересекавшим правую щеку. Виолетта молча глянула на часы и ответила:

– Пятнадцать минут девятого.

Он кивнул и замер, чуть склонив голову набок, будто рассматривая её с ног до головы:

– Спасибо. – Несколько минут помолчал и задал новый вопрос: – Кого-то ждёте?

Виолетта ещё раз бросила взгляд на собеседника и определила, что он не столь молод, как

показалось сразу. Но навязчивое внимание и попытка завязать беседу начинали раздражать.

Виолетта поморщилась и сжала зонтик крепче.

– Жду, – коротко ответила, давая понять, что разговаривать не намерена.

Мужчина не поменял позы и продолжал пристально её разглядывать. Виолетта почувствовала, как

внутри закипает негодование, а желание сказать что-то грубое укрепляется с каждой секундой.

Взгляд – зелёный лёд – пронизывал, заставлял сворачиваться внизу живота скользкий, щекочущий страх.

– Извините, – обронил он и отошёл.

Виолетта не смотрела, куда он направился, потому что из-за угла дома показалась Каталинская.

Она бежала, за спину был закинут извечный кожаный рюкзак.

Кира почти влетела на остановку, резко остановилась перед Виолеттой и чуть покачнулась:

– Привет! Даже не начинай, – отрубил подруга, не дав сказать ни слова, – знаю, что дура

виноватая, потом выскажешь. Вон, маршрутка наша едет.

Виолетта выдохнула сквозь стиснутые зубы, проглотив готовые сорваться упрёки. По спине вдруг

пробежали мурашки, появилось ощущение, что кто-то сверлит её взглядом. Она мельком

оглянулась, светловолосый мужчина смотрел на неё в упор.

Дыхание замерло, сердце пропустило удар. Кира тронула её за плечо, и всё прошло:

– Что случилось? – от подруги не ускользнуло пристальное рассматривание.

Виолетта пожала плечами и кинулась к остановившемуся автобусу:

– Давай быстрее, опоздаем!

На семинар собралось около двадцати человек. Ни одного знакомого лица Виолетта не увидела, и в

чем-то была этому рада. Она не считала, что нужно скрывать свои увлечения, но афишировать их тоже не хотелось. Таким, как Кира – легко, а вот коллегам по работе или матери с отцом знать это необязательно.

Их разместили в просторном помещении со стенами, выкрашенными в уютный коричневый цвет.

В огромных окнах виднелась улица, через приоткрытые форточки доносился запах свежести. Но все же это не могло убрать ощущение, что комнату давным-давно не проветривали. Ранее здесь располагался какой-то клуб, теперь же помещения снимали разные организации и сдавали в аренду для определённых мероприятий.

– А мы волновались, – шепнула на ухо сидевшая рядом Каталинская. – Богин сам вовремя не приехал.

– Чтоб я ещё раз тебя послушала, – буркнула Виолетта.

В отличие от Каталинской, не раз бывавшей на подобных семинарах и знавшей имя

практикующего психолога, религиоведа и эзотерика Богина Германа Дмитриевича, она подобным похвастаться не могла. Но выбору подруги доверяла, поэтому терпеливо ждала и больше никак не выказывала своё недовольство.

Дверь распахнулась резко, Богин зашёл четкой чеканной

походкой. Внимательнее приглядевшись,

Виолетта прикусила губу, чтоб не ахнуть. Это был тот самый человек, который спрашивал у неё

время. Только теперь глаза были спрятаны за узкими очками.

– Добрый день, прошу извинить меня за опоздание. Погода, – кратко сообщил он.

Голос Богина был похож на тонкие стальные крючья, которые метко вцеплялись в жертву и уже не

отпускали. То ли было что-то в тембре, то ли в тоне – Виолетта не могла понять. Богин не удостоил

её даже взглядом. Программу семинара начал резко, с напором, не давая одуматься. Его голос,

кажется, звучал в каждом уголке помещения и проникал во всех слушателей с равной силой. В

какой-то момент Виолетта почувствовала, что часто дышит, а на лбу выступила испарина. Богин не

просто рассказывал, он заставлял жить его словами. Виолетта не шевельнулась, но скосила глаза

на Каталинскую. Подруга была неподвижна, смотрела на ведущего семинара пристально и

неотрывно, чуть покусывая нижнюю губу. Но в то же время Виолетта чувствовала какую-то

напряжённость, будто что-то вот-вот должно взорваться.

– Вот вы, например. – Виолетта подняла голову и поняла, что Богин стоит рядом с ней. –

Определяли ли вы цель, с которой пришли сюда?

Он смотрел прямо на неё. Виолетта сглотнула, горло вмиг пересохло. То ли так свет падал, то ли игра воображения, но стёкла очков мужчины казались матовыми, хотя это и было невозможно.

Богин улыбнулся, однако об эту улыбку можно было порезаться. Кошка поймала мышь, загнав её в нору. Кошка терпеливо ждала, пока мышь наберётся смелости, чтобы высунуть свой нос из норы, после чего цапнет её когтистой лапой.

Виолетта выдохнула и выпрямилась:

– Мне интересны нетрадиционные психотехнологии, – её слова прозвучали с вызовом. Каталинская почему-то даже вздрогнула и с непониманием посмотрела на подругу.

– Только это? – уточнил Богин. – Или причина глубже?

Не может простить, что я его отшила? – отстранённо подумала Виолетта и ответила вслух:

– Нет, есть и другие причины.

– Вот как. – Он вдруг резко наклонился к ней, Виолетта шарахнулась назад, по щеке змейкой

скользнуло горячее дыхание мужчины, резко стало не по себе. – Начните с них, тогда и будет толк.

Прошрое вдруг развернулось, как конфетный фантик, ослепило нахлынувшими образами, оглушило детскими криками, сжало стальными руками за

горло. Чётко вспомнилось, как давным-давно снились сны, от которых она просыпалась в холодном поту, а перед глазами продолжало плясать угловатый танец чудовище, которое можно было увидеть лишь краем глаза. И исчезало лишь тогда, когда проходило время или в комнату заглядывала мать.

Виолетта знала: если она отыщет причину этих снов, то чудовище уйдет, и кошмаров больше не будет.

– Начну, – сказала она еле движущимися губами. Сердце застучало в висках, Виолетта была готова поклясться, что по матовым стёклам прошли трещины. На мгновение показалось, что эти стекла и есть глаза – неподвижные и ужасные.

К горлу подкатила тошнота. Она не понимала, что должна ответить.

Виолетта зажала рот ладонью.

– Спокойно, – неожиданно мягко произнёс Богин и положил руку на плечо. Наваждение развеялось.

На Виолетту вновь смотрели чуть насмешливые глаза. Живые и обычные. Он подождал, пока она вспомнит, как дышать, и выпрямился:

– Как видите, если использовать гипноз, можно оказаться в своих снах резко и внезапно, будто раскалённой спицей сквозь масло. Но эффект от этого

слишком непредсказуем и может дурно

повлиять на психику неподготовленного человека.

Богин отошёл, потом посмотрел на Виолетту и чуть виновато улыбнулся:

– Простите меня за эту вольность, но ваша задумчивость явно заглушала мои слова, поэтому пришлось разбудить таким методом.

Идиот, – про себя определила Виолетта, решив, что больше ноги её не будет на подобных сборищах. Перед глазами ещё мелькали чёрные точки, и казалось, что стоящий чуть поодаль ведущий семинара сейчас снова метнётся к ней и вцепиться в глотку.

– Я это запомню, – сухо сказала она. Хотелось с размаху влепить пощёчину, стереть полуулыбку с этих губ, чтоб на пальцах стало влажно и горячо от выступившей крови. Чтобы больше не позволял себе такого.

Богин, кажется, понял её желания, однако резко перевёл тему:

– Теперь поговорим о других возможностях осознанного сновидения. Если вы сумеете отыскивать причину своих неприятностей, то так же можно научиться их устранять. Самолечение – вот чему я сумею вас обучить. Но для этого нужно постараться. Вы сможете открыть для себя новый мир – безграничный,

свободный. Вы сумеете контролировать свои страхи, – слова вновь звучали четко и резко, словно они ударялись друг о друга металлические палицы.

Богин больше не смотрел на Виолетту, теперь его целью стала хрупкая рыжая девушка на одном из задних столов. Она путалась и еле слышно отвечала на поставленные вопросы, явно будучи не в состоянии говорить спокойно и уверенно.

Виолетте не нравились манеры Богина, не нравилось, как он вёл семинар, и в то же время она прекрасно понимала, что это... правильно. Клины вышибают клином. Может, он, действительно, почувствовал, что ей нужна именно встряска, а не ласковое поглаживание.

Каталинская наклонилась к её уху:

– Что, сильно напугал?

– Фюрер, – шепнула Виолетта и чуть поморщилась. – Но, кажется, знает, что делает.

Богин замер, в ту же секунду показалось, что он прислушивается, было даже видно, как напряглись мышцы спины. Он медленно повернулся, смерил Виолетту странным взглядом и снова заговорил с рыжей.

– Да уж, – выдохнула Кира, – потом поговорим.

Виолетта кивнула. Богин больше не сказал ей ни слова,

несколько раз проходил мимо, увлечённо

рассказывая о методиках осознанного сна, о практике, которая предстоит тем, кто придёт на последующие занятия и не только.

За окном вновь начался дождь. Металлический голос смешался с тарабаниющими по крыше

каплями, превратился в мерный гул, в который не было смысла вслушиваться. Изнутри горячей

волной поднимался придушенный страх. Оно было. Очень давно, настолько, что может показаться

неправдой, но... было. Виолетта знала, что если закроет глаза, то увидит тёмную комнату,

услышит женский голос, от которого всё холодеет. Потом голос смолкнет, и разлетится истошный

детский визг, захлебнётся и смолкнет. Он больше не повторится, но Виолетта не сумеет сомкнуть

глаз.

– На этом наша встреча закончена, дорогие друзья, – произнёс Богин, заставляя всех обратить на

него внимание. – Я буду вам очень признателен, если увижу на будущих семинарах. Если у кого-то есть вопросы, то задавайте смело, не стесняйтесь.

Виолетта поднялась, взяла сумку и направилась к выходу. Каталинская едва за ней поспевала.

– Девушка, – Богин явно не собирался отпускать Виолетту просто так, – постоит.

Она обернулась:

– Что?

– Вы ничего не хотите спросить?

– Я...

Вопрос напрашивался, но перед глазами вновь появились треснутые стёкла очков и мутные капли на щеках. Виолетта шумно выдохнула:

– Нет, благодарю. Всего хорошего.

Глава 6. Объявление в метро

Дождь закончился внезапно. Вроде все сидели в помещении, он барабанил по крыше и тут раз! –

уже сквозь прорехи в серых небесах блеснуло яркое солнце. Ненужный зонтик раздражал Виолетту

и казался невероятно тяжёлым. Каталинская некоторое время шла молча, теребила в руках смятую

пачку сигарет и не решалась закурить. Потом всё же не выдержала и ткнула рукой в сторону сквера.

– Пошли посидим, а то скоро на прохожих кидаться начнёшь.

Виолетта недовольно посмотрела на подругу, но потом вздохнула и кивнула. Кира была абсолютно

права: неприятные ощущения лучше не держать в себе. И уж точно не следует кидаться на людей.

– Идём уже в кафе. А то я от голода сама не своя. Заодно и поговорим.

– Да уж, – фыркнула Каталинская, – заметно.

В кафе было уютно, запах свежесваренного кофе витал в воздухе, сидевшая напротив Кира

внимательно изучала меню. Виолетту не покидало странное ощущение, что произошедшее на

семинаре каким-то образом было ей нужно. Каким? Непонятно. Но интуиция обычно её не

подводила.

– Странный он, – наконец произнесла она. – Больше ни на какие подобные сборища меня не тяни.

Каталинская хмыкнула:

– Не бери дурного в голову. Все, кто работает в подобных сферах, малость не от мира сего.

– Но ко мне-то чего он прицепился? – раздражённо спросила Виолетта. – Там была куча народу.

Каталинская отложила меню и, прищурившись, посмотрела на Виолетту. Потом вздохнула:

– Объясняю на примере. За тобой сидят два типа и пожирают нас глазами. Тише-тише, не вертись

так! Так вот, судя по физиономиям, явно не славяне, а откуда-то с востока. Пялятся на обеих, но эффект белой косы куда сильнее.

Кира отбросила за спину упомянутую косу, которая была длиной до пояса, и часто приковывала

взгляды мужчин.

– И? – Виолетта не совсем понимала, куда та клонит.

– А то, что свеженькое, экзотика, не такое, как у них, – Каталинская подозвала официантку и продиктовала ей заказ. – Вот и сидят, чуть глазами не подают. Так и Богин. Почуял новичка – и вперёд.

Виолетта задумалась. Какая-то доля истины в словах подруги была, однако тут же возникал другой вопрос: неужто она одна была там таким желторотым птенцом?

– Думаешь, он так быстро вычислил меня? – всё же озвучила она свои сомнения.

Каталинская нахмурилась, сделала вид, что рассматривает меню, потом пожала плечами:

– А черт его знает. Но, скорее всего. Это как-то... чувствуешь, что ли. Может, у него и есть проблемы с головой. Или же такая манера общения, кто их, этих спецов разберёт, да только интуиция у него работает как надо. Он сразу понял, что ты новичок.

– И как?

Каталинская бросила на неё взгляд:

– Потерянная больно уж, – прямо сказала она. – А новички обычно либо ловят каждое слово с открытым ртом, либо почти не слушают. У тебя был второй вариант.

На Виолетту вновь накатил тот липкий ужас, который за-

глушал всё на семинаре. Перекошенное

лицо Богина и слова, от которых внутри сворачивалось всё тугой клубок.

Кира попивала принесённый кофе:

– Может, хоть мне расскажешь, что с тобой творится?

Расскажу, – подумала про себя Виолетта. – Только когда хоть сама немного разберусь в

происходящем. А так – увольте. Билет в психушку мне ещё не нужен.

Она пожала плечами:

– Пока ничего.

Катанлинская изогнула бровь:

– Пока?

Виолетта кивнула, давая понять, что на этом беседа завершена. Внезапно уютное кафе показалось

удушающе тесным, разговоры людей за соседними столиками били по натянутым нервам, и

казалось, что вот-вот распахнётся входная дверь, и появится недавний знакомец с семинара.

Только сейчас Виолетта поняла, что было в нём что-то нехорошее. Возможно, такое бывает у

закоренелых преступников, которые пытаются натянуть на себя глянцевою маску порядочного человека.

Что-то нелепое и в то же время страшное, от которого хочется вскочить со стула и бежать куда

глаза глядят. Может, не зря так и получилось?

– Домой? – резко прервала её размышления Каталинская. – А то мне ещё надо на рынок заскочить.

Виолетта глянула на часы и опрокинула остатки кофе.

– Идём.

По дороге назад подруга что-то говорила, но Виолетта её не особо слушало. Настроение было

поганим, даже хуже, чем обычно. На семинаре даже тако-го не было, а тут будто сверху рухнула

огромная тяжесть. Голова шла кругом, подташнивало и так и хотелось присесть на скамейку.

Мимо пробежала стайка подростков, один случайно толкнул Виолетту и сам едва не рухнул. Она

чудом успела поймать его за плечи.

– Осторожнее можно? – буркнула и тут же шумно выдохнула сквозь стиснутые зубы.

Лица у ребёнка не было, будто его стесали ножом – ни глаз, ни носа, и вместо рта уродливая

судорожно подёргивающая впадина. По коже пробежал мороз, руки вмиг стали ледяными, она

отшвырнула ребёнка от себя.

– Ой-ой-ой! – тут же заверещал он, впечатавшись в Каталинскую.

– Ты что, сдурела? – рывкнула на неё подруга, удерживая подростка. – А ты не носись, как

оголтелый!

– Простите, – тут же буркнул тот.

Ужас пропал, на Виолетту опасноливо смотрел взъерошенный мальчишка в расхристанной одежде с усеянными конопушками носом. Обычный ребёнок, ничего страшного или непонятного.

Виолетта снова сделала глубокий вдох и мотнула головой. Подросток уже бежал догонять своих, а Каталинская стояла на месте и, прищурившись, смотрела на подругу.

– Выдели на следующей неделе время и загляни ко мне. Не нравится твоё состояние совершенно.

Виолетта резко поправила ручку сумки на плече. Спорить было бессмысленно, лучше согласиться.

У Каталинской заверещал мобильный. Подруга схватила его, переменилась в лице, махнула рукой и бросила:

– Созвонимся вечером. Всё потом.

Больше ничего не объясняя, она помчалась к ближайшей станции метро. Виолетту такой поворот событий совершенно не расстроил. Зная бешеный темп жизни Каталинской, она даже не задавала лишних вопросов. К тому же сейчас хотелось побыть в одиночестве.

Заметив пустую скамейку, Виолетта направилась к ней. Но за несколько мгновений до того, как она сумела сесть, её опередил сухонький мужчина в ста-

рой, местами разорванной одежде.

Увидев нерешительность на лице Виолетты, он тут же отодвинулся к углу:

– О, прошу вас. Я лишь передохну.

Мягкий голос и уважительный тон совершенно не соответствовали потрепанному внешнему виду.

Обнищавший интеллигент, – определила Виолетта, – хорошо, если не бездомный.

Последнее казалось более вероятным, такие люди попросту не выдерживают сумасшедшей жизни

столицы, для кого становящейся местом успеха, а для кого и возможностью потерять всё, что имел ранее.

Виолетта вздохнула и опустилась на скамью. Мужчина некоторое время смотрел на неё:

внимательно, изучающе, будто пытался что-то для себя определить. При этом его

заинтересованность в отличие от того же Богина была куда приятнее. Не было ощущения, что

нищий хочет взять нож и, разрезав жертву, посмотреть внимательнее, что у неё там внутри.

Виолетта уставилась в одну точку. Всё отошло на задний план. Она даже не ругала себя, что

пошла на этот дурацкий семинар. Что было, то было – в следующий раз умнее будет.

Виолетта выдохнула, и вдруг поняла, что нищий что-то у

неё спрашивает. Повернула к нему голову и уточнила:

– Да? Простите, я не расслышала.

– Я спрашиваю, вам плохо? – спокойно повторил он.

Виолетта пожала плечами. Почему-то спокойный взгляд и тихий голос придавали смелость, и даже мелькало желание рассказать правду.

– Вижу, – неожиданно так же спокойно произнёс он. – Не говорите ничего. У всех есть прошлое.

Виолетта настороженно посмотрела на него, отодвинулась в сторону. А этот откуда знает? Следил, что ли?

Но нищий уже отошёл от скамьи. При этом, через несколько секунд находился на весьма приличном расстоянии. Виолетта сама удивилась, как могла такое не заметить.

Психи, – подумала она. – А я хуже всех.

Подхватив сумку, девушка быстро направилась к метро. Лучше домой, там можно успокоиться и прийти в себя.

Внизу оказалось много людей. Смесь запахов, толчки, резкие окрики – всё заставляло стискивать зубы и уговаривать себя не сорваться.

– Девушка, да я же тут! Что вы, совсем не смотрите? – грубо пихнула её в сторону какая-то толстая торговка. – Ходят, под ноги совсем не смотрят, за людей

не считают.

– Вот-вот! – подхватила вторая. – А мы им...

Хотелось рывкнуть что есть мочи, но Виолетта молча отошла в сторону. Бессмысленно что-то доказывать дураку и хаму. Они понимают только силу, а силой она сейчас точно не владела.

Внезапно её внимание привлек разговор двух совсем молоденьких девушек.

– Смотри, ужас какой. Как можно вообще такое пускать в роддом?

– Не знаю, куда только охрана смотрит, – вздохнула вторая. – Ладно, Маш, пошли уже. А то ночью приснится.

Виолетта подошла к стене, возле которой только что стояли говорившие. Подняв голову, она еле слышно ойкнула и выпустила сумку из рук.

«Внимание! Похищен ребёнок!

Помогите найти!»

Дальше шло множество слов. Виолетта на них не обратила внимания. Она не могла отвести взгляд

от лица женщины-похитительницы, которая смотрела прямо в душу. Злобно, цепко, с желанием

вывернуть наизнанку. Сама не своя Виолетта протянула руку и коснулась бумаги объявления, в нос резко ударил сладкий запах сирени.

Сердце гулко стучало в ушах, перед глазами поплыли раз-

ноцветные круги. Казалось, ещё чуть-чуть и она потеряет сознание.

В один миг всё резко стало на свои места: мрачный дом, крики и истерика матери, странный шипящий голос и странные сны. И глубже, ещё глубже, туда, где непрекращающийся плач детей и закрытая дверь, за которую нельзя заходить. Место... Место, где живёт чудовище, что черной кляксой расползается по комнате и делает угловатые движения.

Виолетта огляделась, потом подняла сумку и быстро, почти бегом, рванула к подходящему вагону.

От себя нельзя убежать, но теперь она всё вспомнила.

Часть II. Сон или явь?

Глава 1. Первый сон

За окном давно царила ночь. Виолетте снился какой-то сон: вязкий, словно патока, накатывающий

тяжёлыми сладковатыми волнами, танцующий на грани с реальностью. Он имел именно тот

странный привкус кошмара наяву, когда думаешь, что бодрствуешь, однако после резко

вскакиваешь от любого громкого звука извне или какого-то внутреннего будильника.

Но внутренний будильник безбожно лгал. Липкая паутина, окутавшая сознание, не желала рассыпаться в пыль.

Виолетта шла по коридору: тёмному, пыльному, пропахшему сыростью и старостью. Странный привкус растекался во рту, словно она провела языком по металлу, на котором разлили томатный сок. Соль и металл. И немного холода. Такой бывает кровь. Но откуда бы ей тут взяться?

Виолетта не узнавала коридора. Она шла всё быстрее, потому что слышала за спиной чье-то дыхание. Пока ещё еле различимое, будто догонявший не был уверен, стоит приближаться или лучше остаться за спиной. Но Виолетта знала: охотник никогда не оставит свою жертву.

Казалось, порой сбоку мелькала едва различимая чёрная фигура. Задерживалась лишь на долю секунды и вновь исчезала. Рассмотреть её можно было только краем глаза. Но появлялось оно всё чаще и чаще, словно показывая свою силу и вездесущность. «Смотри, я иду за тобой, смотри, я дышу с тобой, я могу сделать с тобой всё, что пожелаю».

Виолетта прибавила шагу, глубоко вдохнула, закашлялась от ставшего комом в горле запаха сырости. Слева послышалось тонкое хихиканье. Виолетта замерла. Сердце гулко ухнуло вниз. Всё резко смолкло, впереди блеснул свет, словно кто-то пытался фонариком подать сигнал. Она знала, что стоять нельзя. Нельзя, иначе тень догонит её, оплетёт

нитьями-руками, сдавит горло и утянет в подвал этого мрачного дома.

Хихиканье повторилось. К щеке Виолетты кто-то легонько прикоснулся. С визгом она отпрыгнула в сторону, закрутила головой. Нет никого. И свет больше не появляется.

Виолетта почувствовала, что от виска по скуле медленно стекает ледяная капля пота. Она знала, что надо успокоиться и дойти до самого конца. Тогда будет всё хорошо. Тогда она сумеет проснуться.

– Не дойдёшь! Не дойдёшь! Не дойдёшь! – посыпались отовсюду смешки, впиваясь, будто осколки битого стекла.

– Не сможешь!

– Не сумеешь!

Виолетта сжала кулаки, чувствуя, как внутри закипает страх вперемешку с тихой яростью. Сначала возьмите, потом посмотрите. Сделала шаг от стены, второй... а потом рванула со всех ног вперёд.

Смешки превратились в оглушительный рёв, чьи-то руки хватили её за плечи, дёргали за волосы,

впивались в ноги. Зажав уши и зажмурившись, она побежала вслепую. Оглушительный звон заставил вздрогнуть всем телом и... проснуться.

Виолетта открыла глаза и уставилась в потолок. Сердце

колотилось, голова гудела, звон почему-то не прекращался. Только спустя несколько секунд до неё дошло, что звонит телефон. Кое-как сев на постели, она нащупала трубку.

– Алло.

– Елизавета Петровна, вы меня не так поняли, я хотела сказать вам, – зачастил женский писклявый голос на такой скорости, что Виолетта не сразу разобрала слова.

– Здесь нет такой, – замедленно ответила она.

– Как нет? – искренне удивились там. – Третий раз не туда. Кошмар!

Даже не подумав извиниться, трубку положили. Виолетта ещё некоторое время сидела с телефоном в руке, потом чертыхнулась сквозь зубы и отключила связь.

Несмотря на то, что её разбудили среди ночи, – часы показывали начало третьего – Виолетта была благодарна этой невнимательной болтунье. Кошмар превратился во что-то незначительное и мелкое, спрятавшееся в уголке сознания. Возможно, проснись она сама – помнила бы сон ярко и чётко, и долго бы не могла успокоиться. Но тут... звонок стёр всё, заставив переключить внимание только на него.

Виолетта вздохнула. После того, как она побывала на том

дурачком семинаре, отвратительные сны нахлынули удушливой волной. Успокоительные настойки на ночь не помогали. А воспоминания о прошлом не давали заснуть. Она теперь хорошо помнила, что провела два года в чужом доме. И поняла, почему мать всегда старалась избегать толпы людей, стараясь отвести дочь в сторону.

Вспомнила, почему они всегда ругались с отцом. Страх не давал матери мыслить здраво, любое скопление людей вызывало истерику.

С каждым годом такая жизнь становилась всё сложнее и невыносимее, поэтому однажды отец не выдержал и ушёл.

Виолетта встала с постели и криво усмехнулась, понимая, что не о том думает среди ночи. После такого опять будет сниться всякая гадость. На миг показалось, что невесомые пальцы касаются её лица. Поёжившись, она быстро пошла в коридор за сигаретами.

На полке сиротливо стояла её сумка, из которой торчал красный уголок книги. Виолетта брала её у

Каталинской и обещала вернуть, однако совершенно забыла об этом после всех последних событий.

Виолетта хмыкнула и вытянула книжку. Пару месяцев назад она пыталась её читать – ничего не

вышло. Практическое пособие по технике сновидения показалось странным, запутанным и непонятным. Казалось, что автор знал много слов, но не был способен наделить их смыслом.

В голову Виолетты закралась мысль, что книга вовсе не плоха. Просто сложно понять то, о чём ранее никогда не слышал. Теперь же, после семинара могло что-то проясниться.

Сунув книгу под мышку, она ухватила пачку сигарет и пошла на кухню, в очередной раз благодаря судьбу, что живёт одна и не услышит материнского брюзжания.

Усевшись за стол, Виолетта наобум раскрыла книжку. На страницах карандашом Каталинская оставляла пометки. Они в основном состояли из нескольких букв или сокращённых слов.

Разобрать что к чему было достаточно сложно. – Взрослая женщина, а портит книги, – проворчала Виолетта. Метки почему-то показались куда интереснее, чем текст книги.

Виолетта пригляделась: «Отсутствие внешнего эффекта исключает возможность развития». Она перелистнула страницу. Какой может быть ещё внешний эффект, когда ты спишь? Ну, разве что нечто вроде того звонка, что разбудил её. Но тут уже бессмысленно говорить о снах.

Виолетта задумалась. Стало интересно: можно ли пребывая во сне в конкретном месте, потом очутиться в нём наяву?

В нос вдруг ударил запах пыли и сырости. Где-то, совсем далеко, вдруг зазвучало тонкое хихиканье, кто-то выдохнул в самое ухо:
– Не дойдёшь!

Виолетта вздрогнула и посмотрела по сторонам. Нет, глупости, никого рядом нет. Но паутина страха осела на коже невидимыми нитями, опутала намертво так, что ни убрать, ни стряхнуть.

Виолетта ухватила сигарету, прикурила и принялась шагать по кухне туда-сюда. Так думать получалось куда лучше. Книжка осталась на столе, ее страницы словно звали продолжить чтение, однако сейчас ей было не до этого.

Когда во рту растеклась горячая горечь, она чуть успокоилась. Объявление в метро дало толчок, разбудило спрятанные глубоко воспоминания и вытянуло их наружу. Считай, понять тот же сон.

Как-то Каталинская пыталась ей объяснить:

– Пойми меня верно, – говорила подруга, – наш мозг ничего не забывает. Нельзя без специального вмешательства взять и забыть что-то так, чтобы потом нельзя было это снова достать.

– Да ну? Даже то, что происходило с тобой до рождения?

Тут Каталинская несколько потеряла свой пыл, однако не находчивость:

– А можешь доказать обратное?

Виолетта не могла. Да и, признаться, её не особо волновало, что было до рождения. А вот после...

Она вновь села и загасила тлеющий окурок в пепельнице. Самой разобраться, конечно, было бы хорошо, но вряд ли что-то выйдет. Хорошо это или нет, но «внешний фактор».

Виолетта вздохнула, прекрасно понимая, что нужно поговорить с матерью. Кошмары сами собой никуда не пропадут, но можно им помочь. Она прекрасно понимала, что мать не захочет об этом говорить. Что придётся долго и нудно убалтывать её на это. Однако сдаваться не собиралась. Её собственная жизнь начинала идти наперекосяк из-за всяких галлюцинаций и видений прошлого.

Так ещё чуть-чуть и можно оказаться в доме с жёлтыми стенами.

Далее Виолетта просто перелистывала книгу, толком не вчитываясь. Жуткое ощущение, что кто-то из-за её плеча всматривается в страницы, появилось внезапно и не желало исчезать.

Она медленно повернула голову и замерла: изогнутая тень скользнула по кухонным шкафчикам, задрожала на плите, потянулась к окну и вылилась в ночь.

Стоявший на столе стакан вдруг рухнул
вниз. Послышался пронзительный звон, Виолетта вздрогнула. Вскочив, она подбежала к осколкам
и посмотрела на стол. Стакан стоял на краю, но я явно не мог упасть сам. Она провела рукой по
лбу, убирая взмокшие пряди. Сердце билось поверхностно и быстро.

– Сумасшедшая, – выдохнула она, то ли характеризуя себя, то ли ещё кого. Решив, что на сегодня приключений хватит, выключила свет и вернулась в спальню.

Свет гасить не хотелось. Внутри боролись страх и практичность. Виолетта натянула на себя плед,
пытаясь вспомнить советы Каталинской... да и не только её. Как там говорят? Когда во что-то не веришь, оно отступает. Виолетта вздохнула, удерживаясь, чтобы не засмеяться. Хоть сейчас она
ничего не видела, внизу всё сжалось в тугой комок, а нервы напряжены. Своими глазами она
прекрасно видела, что рядом никого нет, что в комнате она одна. Но разве можно было это доказать?

Тени на стенах от штор, тень от тумбочки на полу, тень от компьютера... Каждая из них в любую
минуту может свернуться, дрогнуть и метнуться к ней. Как то угловатое чудовище из детства.

Теперь Виолетта четко осознавала, что чудовище стало приходить после того, как её вернули родителям. словно не хотело отпускать, желало забрать назад. Туда, где тёмные коридоры, сладкий запах сирени и множество закрытых дверей. А за теми дверями всегда слышится детский плач.

Разозлившись на себя, Виолетта резко выключила свет и легла в постель. Завтрашний день должен быть тяжёлым и насыщенным событиями, а она тут пытается понять: сошла с ума или нет.

Прикрыв глаза, она подложила руку под щёку и почти сразу задремала. В доме всё затихло. Никто не видел, как длинная изогнутая тень качнулась на стене и медленно поползла к спящей женщине.

Глава 2. День по кругу

Телефон смолк всего на секунду, как тут же открылась дверь, и в кабинет влетел старший экономист.

– Слушай, наши опять посходили с ума, требуют перекинуть данные сегодня до четырёх! – он

тяжело и часто дышал, словно долго бежал. – Смотри!

На стол Виолетты плюхнулась пачка бумаг. Она раздражённо выдохнула – не знаю куда девать

собственные документы, тут ещё появилась новая забота. Безумная полоса явно не собиралась останавливаться, и выходные остались лишь смутным

проблеском в темном царстве.

– Я занята, мне не...

– Распоряжение главного, – обронил экономист. – Сама понимаешь, я б не пришёл так.

Телефон вновь зазвенел. Схватив трубку, Виолетта зажала её между плечом и ухом, одновременно

начав просматривать принесённые документы. Слова говорившего сливались в единое целое, она

почти не понимала, что ему нужно. Перед глазами мелькали цифры, с каждой секундой возрастал

ужас и понимание, что даже будь у неё две головы и четыре руки, это всё не осилить в срок.

– Хорошо, – рывкнула она, – прозвоните Виктору Борисовичу, он владеет вопросом.

Сам кашу заварил, сам пусть расхлёбывает, – мстительно подумала она.

– Так что по данным, – начал экономист.

Виолетта глянула на часы – без чего-то два. Нет, ничего не выйдет. Не успеет. И так уже вся

мокрая, во рту кроме кофе ничего не было.

– Забирай, сейчас никак.

Экономист мялся и явно уходить не торопился. В другое время Виолетта поняла бы и помогла, но

сейчас было не до этого.

– Он меня убьёт, – вздохнул тот и поправил очки.

– Он всех убьёт, – утешила Виолетта. – Забирай!

Вновь телефон. Она уже хотела не брать трубку, но заметила номер шефа. Предвидя стандартное «зайди ко мне», быстро встала с жалобно скрипнувшего стула.

– Оставь. Я сейчас.

Не дав возразить, она подхватила бумаги и вылетела из кабинета. Если шеф хочет скандала, он его получит. Прямо здесь и сейчас.

Мобильный вновь затренькал, но Виолетта быстро сбросила вызов. С Каталинской она переговорит позже.

По дороге она сумела восстановить дыхание и придумать нужные слова. С начальством спорить – неприятно, но необходимо, иначе будешь во всём и всегда виноват.

Робкий стук в дверь, недовольное бурчание – всё, как обычно.

– Ну, что ещё? – проворчал начальник. – Чего трубку не берёшь?

– Вот чего, – Виолетта быстро прошла по мягкому ковру и со стуком опустила пачку бумаг на стол.

– Это что? – не понял Виктор Борисович.

– Это до четырёх, – пояснила она. – А до этого на мне отчёт, доклад, перерасчет и подача данных в департамент.

– И? – осторожно глянул шеф на неё, явно ещё не решив:

стоит ругаться или всё же послушать.

– А то, что разорваться я не сумею.

Воображение ярко нарисовало раскроенную пополам женщину, которая держит телефонную

трубку рукой с изумительным маникюром, улыбается разорванным ртом, даёт ответы и не

замечает, что кровь заливает крахмаленный воротничок офисной блузки, а из груди и утробы

вот-вот вывалятся внутренности на свежeweымытый пол. Удушливой волной накатила тошнота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.